

дами»). Они — посредники между Богом и простецами, заступившие место православного клира и духовников.

Всех этих религиозных вольнодумцев можно защищать или бранить, это зависит от убеждений наблюдателя. Но и «капитонам», и самосожженцам, и хлыстам, сочтем ли мы их подвижниками либо недалекими упрямами, нельзя отказать в искренности. Это оппозиция не ханжей, а верующих, и ставка в ней — свобода и жизнь. Общее у них — тотальное, прямо-таки манихейское отворачивание к тварному миру, стремление так или иначе распрощаться с ним, вплоть до самоубийственного прощания с собственной плотью.

Таков один психологический полюс. Другой представлен новым для России типом, типом религиозного индифферентиста. Почти год просидел на московском престоле человек, конфессиональная физиономия которого до сей поры остается загадкой. Православный монах-расстрига Лжедмитрий тайно принял католицизм, что установлено с полной достоверностью. Но, по всей вероятности, он переходил также в арианство, в радикальный евангелизм польских антитринитариев. Он учился в арианской школе в Гоше, в Москве его секретарем был арианин. Фактотум самозванца, князь И. А. Хворостинин, осужденный за неправославное поведение на заточение в монастырь при Филарете, тоже, судя по царской и патриаршей грамоте, исповедовал арианство. В заключении он составил компилятивный стихотворный трактат «Изложение на еретики-злохульники», в котором горячо ратовал за чистоту православия. Вряд ли кто-нибудь серьезно отнесся к сочинению ренегата.

Смена вероисповедания, прежде на Руси почти неслыханная, в канун Петровских реформ превращается в некое поветрие. Нам известны переходы в католицизм, в магометанство, в протестантизм. Самозванец Тимофей Акундинов, личность яркая и неприятная, проделал все эти метаморфозы. Но схожим образом поступают и люди вполне пристойные. Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и другие выпускники Киевской коллегии на время учебы в иезуитских школах становятся униатами, а дома возвращаются в православие. Этот обычай красноречив: вера оказывается подчиненной знанию. Все эти индифферентисты — прямые предшественники русских деистов эпохи Просвещения.

Церковь теряла контроль над паствой. Ее реформа была не прихотью, не выдумкой одного или нескольких людей. Другое дело, что предлагались разные пути: изоляционизм (путь Аввакума, присяжного обличителя «внешней мудрости», т. е. секуляризованного знания), несколько подновленный «третий Рим»; экспансионистское движение к всеправославной теократической империи, «Новый Иерусалим» Никона с его грекофильской ориентацией; путь «латинствующих», которые, как и грекофилы, стремились сделать русскую церковь интеллигентной, стремились к приращению знания, но на латинской основе. У тех и других явственно проглядывает комплекс национальной и конфессиональной не-